

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 11**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 11 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 276 с.

ISBN 978-5-458-04661-9

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04661-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Положительная философія и единство науки.

V *).

Соціологія.

Если психологія у Конта страдаетъ недостаткомъ, то соціологія, или соціальная физика, какъ онъ ее называетъ, отличается, напротивъ, избыткомъ. Три толстыхъ тома „Курса положительной философіи“ посвящены очерку этой науки.

Правда, задача, которую ставилъ себѣ Контъ, равняется, по объему, всѣмъ предыдущимъ. Соціологія, по его понятію, должна заключать въ себѣ всѣ науки, касающіяся человѣка. Въ нее входятъ не только строеніе человѣческихъ обществъ и законы ихъ развитія, но также исторія религій, исторія философіи, развитіе искусствъ и положительныхъ наукъ. Съ равнымъ правомъ должна была бы войти сюда филологія, которой Контъ однако вовсе не касается. Всѣ стороны человѣческаго естества проявляются въ общественной жизни, а потому ученіе объ обществѣ вмѣщаетъ въ себѣ все, что касается человѣка, исключая изслѣдованіе чисто личныхъ свойствъ, которое отнесено къ біологіи.

У философовъ-метафизиковъ мы находимъ такое стремленіе совокупить въ одно цѣлое науки, касающіяся человѣка. Уже древніе, какъ замѣчаетъ Контъ, раздѣляли всѣ конкретныя науки на физику и этику. Но положительное

*) Опускаемъ главы третью («Физическія науки») и четвертую («Біологія»), имѣющія появиться въ отдѣльномъ изданіи. — *Ред.*

знаніе шло совершенно инымъ путемъ: отправляясь отъ частныхъ, оно разрабатывало каждую науку въ отдѣльности. Самъ Контъ, несмотря на то, что онъ возставалъ противъ узкой специальности и считалъ время созрѣвшимъ для объединенія наукъ, излагаетъ философскую теорію каждой изъ естественныхъ наукъ особо, связывая ихъ только единствомъ методы и перенося лишь совершенно достовѣрные результаты предыдущаго въ послѣдующее, но отнюдь не пытаясь построить цѣльное знаніе природы на основаніи общаго закона. Въ социологіи, напротивъ, онъ прямо приступаетъ къ объединенію цѣлаго помимо разработки частей. Ниже мы увидимъ, что онъ этотъ способъ дѣйствія считалъ даже специальною принадлежностью социологической методы. Ясно однако, что это приѣмъ чисто метафизическій. Умозрѣніе идетъ отъ общаго къ частному; опытные же науки, напротивъ, идутъ отъ частнаго къ общему. Онѣ сначала изслѣдуютъ отдѣльныя стороны предмета и затѣмъ уже стараются ихъ связать, подводя ихъ подъ общія точки зрѣнія.

Въ положительной социологіи такой путь тѣмъ болѣе необходимъ, что разработка отдѣльныхъ наукъ далеко не дала такихъ непоколебимыхъ и не подлежащихъ сомнѣнію результатовъ, какъ изслѣдованіе природы. Контъ увѣряетъ даже, что здѣсь вовсе ничего не сдѣлано. По его мнѣнію, всѣ науки, касающіяся человѣка, доселѣ находятся подъ вліяніемъ богословія и метафизики; положительнаго въ нихъ ничего нѣтъ. Приходится, слѣдовательно, все начинать съизнова. Поэтому Контъ считалъ себя творцомъ этой новой науки, для которой его предшественники приготовили только скудные и разсѣянные матеріалы. „Теперь, говоритъ онъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы создать цѣлый разрядъ научныхъ понятій, которыхъ ни одинъ предшественный философъ даже не коснулся, и которыхъ возможность не была даже никогда явно усмотрѣна“ (IV, 2). Но какая есть возможность построить цѣльное научное знаніе, когда нѣтъ строго научной разработки частей? Если положительная метода имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то онъ состоитъ въ

томъ, чтобы осудить во имя науки такое легкомысленное скаканіе по верхушкамъ. Научные выводы требуютъ точныхъ научныхъ основаній.

Подобная задача была тѣмъ менѣе исполнима, что Контъ вовсе не былъ къ ней приготовленъ. Онъ часто хвастался своею научною подготовкой въ области математическихъ и физическихъ знаній, полагая въ этомъ великое свое преимущество передъ тѣми мыслителями, которые не прошли черезъ подобный искусь. Но изслѣдованіе наукъ, касающихся человѣка, требуетъ своей особенной подготовки, а у Конта ее вовсе не было. Самая первая наука, которая прежде всего необходима для изслѣдованія человѣческаго обществія, наука права, была ему совершенно неизвѣстна. Всѣ его сочиненія показываютъ, что онъ не имѣлъ о ней ни малѣйшаго понятія. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ отвергать гуртомъ, подъ именемъ метафизики, то, чего не знаешь и не понимаешь; но этотъ пріемъ, который нерѣдко практикуется въ настоящее время, приличенъ шарлатану, а никакъ не серьезному ученому. Точно такъ же Контъ отвергалъ, какъ основанную на метафизическихъ началахъ, всю политическую экономію, дѣлая исключеніе только для Адама Смита, у котораго онъ находилъ нѣсколько цѣнныхъ предварительныхъ замѣчаній (IV, 267). Милль, который былъ специалистомъ въ этомъ дѣлѣ, говоритъ, что всякій знакомый съ сочиненіями экономистовъ можетъ по этому примѣру видѣть, до какой степени Контъ бываетъ иногда поверхностенъ (Auguste Comte and Positivism, стр. 80). Специалисты по другимъ отраслямъ могутъ только подтвердить это сужденіе. Важнѣйшею частью социологіи Контъ считалъ развитіе религиозныхъ и философскихъ воззрѣній: на этомъ строится вся его система. А между тѣмъ онъ почти вовсе не былъ знакомъ ни съ исторіею философіи, ни съ исторіею религій. Отвергая богословіе и метафизику, какъ фантазмагоріи, онъ не считалъ нужнымъ вникать въ содержаніе ученій. Нѣмецкаго языка онъ даже совсѣмъ не зналъ, и вся нѣмецкая философія, т. - е. самое крупное метафизическое

явленіе новаго времени, была для него закрытою книгою. Судить о метафизикѣ, не зная нѣмецкой философіи, это, конечно, признакъ большой умственной отваги, но никакъ не основательности,

Недостатокъ подготовки въ молодыхъ лѣтахъ Контъ не могъ восполнить и впослѣдствіи тщательнымъ изученіемъ неизвѣстныхъ ему наукъ. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ держался правила ровно ничего не читать, увѣряя, что стороннее чтеніе мѣшаетъ разработкѣ собственной его мысли. „Набравши наскоро, говорить онъ самъ, въ моей ранней молодости всѣ матеріалы, казавшіеся мнѣ подходящими къ великой разработкѣ, основной духъ которой тогда уже мною чувствовался, я въ теченіе по крайней мѣрѣ двадцати лѣтъ наложилъ на себя, въ видѣ мозговой гігіены, обязанность, иногда стѣснительную, но по большей части счастливую: не читать ничего, что бы имѣло важное, хотя бы косвенное, отношеніе къ предмету моихъ настоящихъ занятій“ (VI, xxxv). Контъ увѣрялъ, что только этою строгою діетой онъ обезпечилъ ясность, энергію и послѣдовательность своего мышленія, которыя были бы нарушены „опасною ученостью“ (*une dangereuse érudition*, VI, 758). Такая умственная дисциплина со стороны положительнаго ученаго представляется крайне удивительною. Можно понять, что математикъ или метафизикъ, который изъ извѣстнаго умозрительнаго начала выводитъ всѣ его необходимыя послѣдствія и приложенія, временно сосредоточивается на этой одной задачѣ и устраняетъ отъ себя все, что способно его развлечь. Но непостижимо, какъ можетъ держаться этого правила положительный философъ, для котораго единственную твердую точку опоры составляетъ совокупность извѣстныхъ фактовъ, и который при всякомъ выводѣ прежде всего долженъ спросить себя: не противорѣчитъ-ли онъ какому-нибудь факту? Еще менѣе понятно возведеніе этой методы въ постоянную умственную дисциплину въ теченіе всей жизни. Это значитъ прямо обрекать себя на невѣжество.

И съ такимъ ничтожнымъ запасомъ свѣдѣній Контъ хотѣлъ не только создать новую, дотолѣ невѣдомую науку, но и сочинить небывалое еще общественное устройство, основанное на положительныхъ началахъ. Очевидно, что въ этихъ пріемахъ нѣтъ ничего похожаго на способы изслѣдованія положительныхъ наукъ. Когда біологъ изучаетъ послѣдовательность животныхъ организмовъ, онъ, какъ указываетъ самъ Контъ, беретъ совершеннѣйшій изъ существующихъ типовъ, какъ точку сравненія, и затѣмъ постепенно слѣдитъ за развитіемъ cadaго органа отъ низшихъ формъ до высшихъ или обратно; но онъ не сочиняетъ невиданнаго доселѣ организма, который долженъ служить ему прототипомъ для всего біологическаго развитія. Этому пріему Контъ научился не у дѣятелей на поприщѣ положительныхъ наукъ, а у современныхъ ему утопистовъ, которые строили небывалыя общества по волѣ своей фантазіи. Не даромъ Контъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ ближайшимъ ученикомъ Сень-Симона. Онъ разошелся съ своимъ учителемъ, потому что хотѣлъ построить новое общество не на умозрительныхъ соображеніяхъ, а на основаніяхъ, выработанныхъ положительными науками. Но задача осталась та же, задача вовсе не положительная, а чисто утопическая. Положительныя науки изслѣдуютъ то, что есть, а не строятъ небывалыя міры.

Отъ Сень-Симона Контъ заимствовалъ и взглядъ на современное состояніе умовъ, какъ чисто анархическое. Когда утопистъ хочетъ построить фантастическое зданіе будущаго, онъ прежде всего отвергаетъ все настоящее; передъ нимъ должно быть чистое поле, на которомъ онъ можетъ уже безпрепятственно воздвигать свои воздушныя замки. Именно такъ поступаетъ и Контъ. Онъ вырабатывалъ свое воззрѣніе во время самаго разгара борьбы между легитимистами и либералами, и противъ обѣихъ партій онъ направляетъ свою критику. Въ первой онъ видитъ остатокъ отжившихъ свой вѣкъ богословскихъ воззрѣній, во второй порожденіе несостоятельной метафизики. Первая стоитъ за поряд-

докъ, вторая за прогрессъ; но, не имѣя никакихъ твердыхъ основаній, онѣ способны только бороться другъ съ другомъ и нейтрализоваться взаимно, а не въ состояніи произвести что-нибудь положительное. Богословская школа проповѣдуетъ возвращеніе къ отжившей системѣ среднихъ вѣковъ и совершенно глуха къ потребностямъ новаго времени. Метафизическая школа, съ своей стороны, вооруженная чисто отрицательными началами, способна только разрушать и безсильна для созиданія. Въ результатѣ оказывается всеобщая умственная анархія, составляющая характеристическій признакъ нашего времени.

Но отвергая такимъ образомъ обѣ противоположныя теоріи, Контъ, тѣмъ не менѣе, относительно основныхъ началъ вполнѣ сочувствуетъ той, которая представляетъ собою порядокъ. Въ его глазахъ, „безпорядокъ глубоко противенъ научному духу въ собственномъ смыслѣ“ (IV, 185). Вся его задача, какъ ученаго, состояла въ томъ, чтобы явленія общественной жизни подвести подъ такіе же неизмѣнные и непреложные естественные законы, какъ и законы физическаго міра (IV, 222 и др.). Средневѣковой порядокъ въ особенности былъ предметомъ его удивленія. Подъ вліяніемъ де-Местра, котораго книгу *о Папѣ* онъ ставилъ чрезвычайно высоко, Контъ въ совершенно идеальномъ видѣ изображаетъ средневѣковое устройство, критикуя его единственно въ томъ отношеніи, что вся эта удивительная организація, отвѣчающая самымъ существеннымъ потребностямъ чловѣка, была основана на религіи, а не на положительной наукѣ. Самую современную богословскую школу онъ упрекаетъ главнымъ образомъ въ томъ, что она изъ практическихъ видовъ отступаетъ отъ своихъ началъ и дѣлаетъ уступки анархическому принципу свободы (IV, 26 и слѣд.).

Въ метафизической теоріи, напротивъ, Контъ видитъ чистое орудіе разрушенія, котораго единственное значеніе заключается въ томъ, что оно уничтожаетъ старый порядокъ, основанный на богословскихъ началахъ, и приготовляетъ новый, основанный на началахъ положительныхъ. Зна-

ченіе свободы, какъ постоянного и необходимаго элемента человѣческаго общежитія, было для него совершенно непонятно. Онъ видѣлъ въ ней начало чисто анархическое, вызванное лишь недостаткомъ твердаго научнаго руководства. „Всякій, говоритъ онъ, обыкновенно безъ труда признаетъ себя неспособнымъ, иначе какъ съ помощью спеціальнаго приготовленія, составлять себѣ и даже обсуждать понятія астрономическія, физическія, химическія и проч., призванныя входить въ общественный оборотъ, и никто между тѣмъ не усомнится довѣрить имъ направленіе соотвѣтствующихъ дѣйствій; это означаетъ, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ умственное управленіе дѣйствительно основалось. Неужели же понятія самыя важныя и тонкія, тѣ, которыя по своей высшей сложности необходимо доступны меньшему числу умовъ и предполагаютъ болѣе трудное и рѣдкое приготовленіе, будутъ одни предоставлены произвольному и измѣнчивому рѣшенію наименѣе компетентныхъ умовъ“ (IV, 55—6)? По мнѣнію Конта, „пустое притязаніе каждаго становится постоянно верховнымъ судьей различныхъ общественныхъ теорій“ можетъ вести лишь къ разложенію общества. „Какое бы умственное развитіе мы ни предполагали въ массѣ, очевидно, общественный порядокъ всегда будетъ несовершенъ съ постоянною свободою каждаго, безъ предварительнаго исполненія раціональныхъ условій, — ежедневно подвергать обсужденію самыя основы общества“ (IV, 58). Вслѣдствіе такихъ соображеній, Контъ считалъ свободу совѣсти, съ вытекающею изъ нея свободою слова, печати и проч. чисто анархическимъ началомъ, болѣзненною принадлежностью переходнаго состоянія (IV, 49, 54), изъ котораго единственный исходъ заключается въ добровольномъ отказѣ большей части людей отъ абсолютнаго права личнаго изслѣдованія въ вопросахъ, совершенно превышающихъ настоящую ихъ компетентность (IV, 56, 126).

Такой чисто отрицательный взглядъ на свободу показываетъ полное непониманіе человѣческаго естества и потребностей общежитія. Какъ единичное разумное существо,

человѣкъ, по самой своей природѣ, есть существо свободное. Самоопредѣленіе составляетъ вѣчное и неизмѣнное его требованіе, неуваженіе къ которому является посягательствомъ на достоинство человѣка. Этимъ присущимъ ему началомъ человѣкъ существенно отличается отъ всѣхъ явленій физическаго міра, гдѣ господствуютъ неизмѣнные законы, и о свободѣ нѣтъ рѣчи. Поэтому и прямое перенесеніе законовъ физической природы на человѣческое общество совершенно неумѣстно. Мы здѣсь встрѣчаемся съ новымъ явленіемъ, котораго нѣтъ въ физическомъ мірѣ, и которое требуетъ изслѣдованія своего рода. Даже тотъ, кто совершенно отрицаетъ свободу, не можетъ обойти этого явленія, считая его какъ бы несуществующимъ; онъ обязанъ его изучить. Но именно этого мы у Конта нигдѣ не находимъ. Ограничивъ познаніе человѣческой души френологическими фантазіями Галля и безусловно отвергая внутренній опытъ, онъ природу и потребности субъекта оставилъ безъ вниманія. Фактически онъ не могъ не признавать человѣка свободнымъ существомъ; явленіе слишкомъ громко говорить за себя, и самыя нравственныя требованія въ этомъ отношеніи слишкомъ очевидны. Поэтому онъ мимоходомъ признаетъ „основное право, необходимо принадлежащее всѣмъ,—свободнаго и нормальнаго развитія личной дѣятельности, разъ дано приличное направленіе“ (IV, 63). Но эта уступка остается случайно замѣткою. Стараясь установить въ обществѣ такіе же неизмѣнные и непреложные законы, какіе существуютъ въ физической природѣ, Контъ не могъ не видѣть въ личной свободѣ начало, возмущающее порядокъ. Ниже мы увидимъ, что онъ доходитъ даже до чудовишнаго положенія, что индивидуумъ въ обществѣ не болѣе, какъ отвлеченіе, а что реально только цѣлое человечество,—положеніе, котораго всего менѣе можно было бы ожидать отъ философа-реалиста.

Напрасно въ своемъ осужденіи свободы преній Контъ ссылается на то, что происходитъ въ положительныхъ наукахъ. Здѣсь, напротивъ, свобода мнѣній совершенно

безгранична. Никому не воспрещается доказывать, что человекъ произошелъ отъ обезьяны, и опровергать это мнѣніе. Отъ спорящихъ не требуется никакихъ предварительныхъ доказательствъ способности. Но именно вслѣдствіе этой безграничной свободы здѣсь само собою устанавливается согласіе на счетъ вопросовъ, достовѣрно рѣшенныхъ. Никто не спорить о математическихъ истинахъ, потому что онѣ не подлежатъ сомнѣнію. Не спорятъ и о всемірномъ тяготѣніи; но о дарвинизмѣ спорятъ, потому что это не прочно установленная научная истина. Если въ общественныхъ наукахъ когда-нибудь установятся совершенно достовѣрныя истины, то и о нихъ перестанутъ спорить. Пока этого нѣтъ, нельзя требовать прекращенія преній; это ведетъ не къ выясненію истины, а къ торжеству невѣжества и мрака. Во всякомъ случаѣ, ученіе Конта всего менѣе можетъ имѣть притязаніе на такой неоспоримый авторитетъ.

Но въ общественныхъ вопросахъ свобода имѣетъ еще совершенно иное значеніе, нежели въ обсужденіи научныхъ истинъ. Человекъ можетъ спокойно положиться на спеціалистовъ въ рѣшеніи вопросовъ о всемірномъ тяготѣніи или о свойствахъ электричества; но, какъ свободное существо, онъ въ правѣ совершенно рачіонально желать, чтобъ его судьба не рѣшалась безъ его вѣдома. Участіе свободного лица въ касающихся его общественныхъ дѣлахъ составляетъ неизмѣнное требованіе, которое осуществляется вездѣ, гдѣ начало человеческой свободы находить подобающее ему признаніе. Никто, конечно, не можетъ имѣть притязанія на то, чтобы его голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ, касающихся не его одного; но право голоса и право обсужденія общественныхъ дѣлъ неразрывно связаны съ свободой. Добровольно отречься отъ этихъ правъ значитъ отречься отъ своего положенія, какъ свободного члена общества, а вмѣстѣ и отъ своего человеческого достоинства. Непризнаніе Контомъ этихъ правъ показываетъ грубое непониманіе самыхъ основныхъ элементовъ человеческого общежитія. Какая же изъ этого можетъ выйти социологія?

Вмѣстѣ съ свободою Контъ осуждаетъ и начало равенства, тѣсно связанное съ первою. Онъ видитъ въ немъ революціонное орудіе, призванное разрушить старую іерархію, но неспособное основать новый порядокъ вещей. „Очевидно, говоритъ Контъ, люди не равны между собою и даже не равноцѣнны (*équivalens*), а потому не должны имѣть въ обществѣ одинакія права, исключая, конечно, основныхъ права, необходимо общаго всѣмъ,—права свободного нормальнаго развитія своей дѣятельности, разъ она прилично направлена. Для всякаго, кто основательно изучалъ истинную природу чловѣка, продолжаетъ онъ, умственные и нравственные неравенства безъ сомнѣнія гораздо рѣзче выступаютъ въ организамахъ, нежели простыя физическія неравенства, на которыхъ сосредотчивается вниманіе пошлыхъ наблюдателей“. Самые успѣхи цивилизаціи не только не уменьшаютъ, а напротивъ, значительно увеличиваютъ эти основныя разности. А потому начало равенства становится анархическимъ, какъ скоро, упуская изъ виду временное его значеніе, хотятъ изъ него сдѣлать зиждительное начало новой системы (IV, 63—64).

Та же точка зрѣнія прилагается, наконецъ, и къ догмату народовластія. „Ни одинъ истинный философъ, говоритъ Контъ, не можетъ не признать рокового анархическаго направленія этого метафизическаго начала, когда оно въ своемъ безусловномъ приложеніи противится всякому правильному порядку, обрекая постоянно высшихъ на произвольное подчиненіе массѣ низшихъ, вслѣдствіе перенесенія на народъ божественнаго права, осуждаемаго въ короляхъ“ (IV, 65).

Когда Контъ возстаетъ противъ абсолютнаго значенія, которое придавала этимъ началамъ метафизика XVIII-го вѣка, онъ безъ сомнѣнія правъ. Но онъ ратовалъ противъ понятій, потерявшихъ уже свое господство въ умственномъ мірѣ. Въ XIX-мъ вѣкѣ метафизика стала на иную почву, невѣдомую Конту. Въ самихъ общественныхъ теоріяхъ произошелъ поворотъ. Крайнія ученія XVIII-го вѣка подверглись основательной критикѣ не только со стороны мыслителей реакціонной школы, какъ де-Местръ, но и со стороны пи-